

ВЛАДИМИР ЛИЗИЧЕВ

ЖЁЛТЫЕ СТИХИ

Только через сердце,
бритвой по душе!
Иначе всё серость,
жалкое клише.
Если ты в той шкуре не
бывал не раз,
Не ронял слезинку на
строку из глаз

Владимир Лизичев

Жёлтые стихи

«Издательские решения»

Лизичев В.

Жёлтые стихи / В. Лизичев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968664-0

В книгу стихов вошли произведения, написанные в основном в 2018—2019 годах. Некоторые из них нашли неплохой отзыв у читателя, другие — выстраданные и те, что кажутся автору неплохими, остались вовсе незаметны. Из чего автор делает вывод о том, что несмотря ни на что, нужно иметь своё мнение. В этой связи он был бы весьма признателен тем, кто критически отнесётся к данным опытам стихосложения и напишет на них пусть и небольшие отзывы.

ISBN 978-5-44-968664-0

© Лизичев В.
© Издательские решения

Содержание

1. Как же холодно	6
2. В память о заблуждениях	7
3. Ночные белые	8
4. Мы с котом диван делили	10
5. Сказка о добром роботе	11
6. Ордена цена	13
7. Каждый сам для себя решает	14
8. Триптих и лабутены	15
9. Рассказ ветерана вооруженных сил	16
10. Душа гуляла в сентябре	19
11. В чём причина	21
12. Рассказ деда Василя	22
13. Печорский тракт	26
14. Меланхолия	29
15. Две копейки,	30
16. Полёты	31
17. Я в храм войду	33
18. Я ещё вернусь	34
19. Камни на высотке	35
20. Тень одиночества	39
21. У Вечера в плену	40
22. Рябина в ладошке	42
23. Не говори пока-пока	43
24. Синь васильковая	44
25. Против течения	45
26. Внучкин день рождения	46
27. Быть или не быть?	49
28. Ночь на святки	50
29. Завтра будет лето	51
30. Мне снился день	52
31. Белое облако, серые тучи	53
32. О напрасных мечтах и земной красоте	54
33. Теперь всё делится на завтра и вчера	55
34. В чём секрет Дамасска	56
35. Это мы	58
36. Детство, рыбалка	59
37. Соринка	60
38. Семидесятые,	61
39. Усталый путник	62
40. Дождь проливной шарахался в ночи	63
41. Подвода	65
42. Мне приснился страшный сон	66
43. Листья на воде	70
44. Белым-бело	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Жёлтые стихи

Владимир Лизичев

Только через сердце, бритвой по душе!

Иначе всё серость, жалкое клише.

Если ты в той шкуре не бывал не раз,

Не ронял слезинку на строку из глаз...

Москва, 2019г.

2016—2019 гг.

© Владимир Лизичев, 2019

ISBN 978-5-4496-8664-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Как же холодно

Опали листья в ноябре,
и стало холодно.
Горела лампа на столе
в приёмной «Воланда».

«А это Вы, опять пришли,
Вам не положено
На то и дети чтоб росли,
не всё – морожено».

«Да будет суд, сам виноват,
не лез бы в драку-то
Избил один троих ребят,
травил собакою».

«Что вы сказали, пёс был – шпиц?
Но, не в наморднике
Читаю дело, сто станиц,
Вот, пишут дворники».

«Тащили девушку в авто?
То, показалось
у нас намотрятся кино,
Да, отказалась»!

«Ну, дел-то, «треху» отсидит,
Чего простите?!
Да я Вас в рог... и сын бандит,
за ним хотите»?!

«Прощенье надо заслужить,
Что Вы трывдите?!
Ну да, конечно, парню жить.
Туда пройдите».

К утру домой вернётся мать,
поплачет.
Как же холодно.
Приснится узкая кровать
и лапы того Воланда.

2. В память о заблуждениях (королевские креветки)

Скамья дубовая, пиво чешское,
Сижу, наращиваю сидалище.
Меню в коже, блюдами веское
Цена на креветки – та ещё!

Не подаю виду, хрущу панцирем
Морской снеди, мелкой очень,
Горка в тарелке, липкими пальцами
Поглощаю клеток белковых очередь.

Где тут те, по пятёрке, лучшие?
Требую, настоящие королевские,
Что когда-то купил по случаю,
А не эти, за трёшку, мерзкие!

Но ехидная, официанта харища
Нагло так, в ответ улыбается, —
«Не хочу поправлять товарища,
Но они только так называются»!

Значит, дурят, а я доверившись...
Зря он это мне все рассказал,
И вконец во всем разуверившись,
Графин с водкою заказал.

3. Ночные белые

Чайник китайский
паром пыжится,
Серым глазом
на мир смотрит.
Неясные тени
по комнате движутся,
Ночь, мне рожи
по стенам корчит.
Мерцает диск,
на часах с боем,
На подоконнике
ветка акации.
Три часа,
за стеклом всё воет
Музыка чьей-то
автосигнализации!
Луна, на жёлтом,
серыми комьями
Плывут облака,
покоя не знающие.
По крышам коты
шастают кодами,
Орут нагло всю ночь,
вызывающе.
В доме напротив
квadrатами, точками
В окнах огни
Вспыхивают, пропадают.
На крыше
рекламные слоганы строчками
То появляются,
то опять исчезают.
Компьютер крякнул,
апгрейды ломаются,
Архивы файлов
приходят пачками
И в Гугле тоже видать
Бессонница,
Гонят в сеть игры
с новыми патчами.
В голове раздрай,
мысли пучатся,
Может быть то душа,
болит, кается.
До утра уснуть,

не получится,
Остаётся сидеть,
стихами маяться.
По экрану редактора
мышью бегаю,
Сварю кофе, выпью
ещё горячим.
Напишу стихи,
они выйдут белыми
И заброшу всё,
к чертям собачьим.

4. Мы с котом диван делили

Мы с котом диван делили,
Каждый барином лежал,
И пока того кормили,
Я победу одержал.

На часах пробило полночь,
Кто хозяин кто вассал?!
Но в ответ котяра, сволочь
полный тапок мне нассал.

Час искал по всей квартире,
Кого хочешь, разозлит.
Где ты? Спрятался в сортире
За стеной кухонных плит?

Посмотрел, быть может в ванне?
Я б за все с него спросил!

Кот валялся на диване
и храпел что было сил.

5. Сказка о добром роботе

Внучке я рассказываю сказку —
Жил был робот – добрый и большой,
Но лишённый, человеческой ласки,
Не создали их ещё с душой.

Ночью заряжался от розетки,
И тогда горел зелёный глаз,
Вместо сердца ящик грудной клетки,
там аккумуляторов запас.

Шестерёнки, болтики, и схемы,
Сервопривод, платы, провода,
Два дисплея, блок питания, клеммы
И ещё программная среда.

Был он дока по хозяйской части
Мыл, стирал, готовить тоже мог,
И совсем без женского участия
Выпекал на праздники пирог.
Все друзья – компьютер, холодильник,
Пылесос, приставка и планшет,
Прошлогодний яблочный мобильник,
Гаджетов, что старше, в доме нет.

Краска на панелях облетела,
Провода вот-вот начнут искрить,
И семья давно его хотела
Сдать в утиль и нового купить.

Тот, блестящий, мог летать как птица
С кучей новых игровых программ,
Что нам поставляют за граница,
Легче нашего, почти на килограмм.

Решено, кредит, платёж в рассрочку
И в субботу едем покупать.
Будет нянька, классная для дочки,
И покормит и уложит спать.

Но случилось страшное, не ждали
Молния ударила в тот дом,
Ночь темна, они уже все спали,
Мама с папой, девочка с котом.

Пламя быстро охватило зданье,

Жарким дымом все заволокло,
Папа сразу потерял сознание,
Чуть позднее, мамино ушло.
Злой огонь на лестнице качался,
Пламя двери детской уже жгло,
Старый робот долго заряжался,
Но спасенье все таки пришло.

Он тащил людей, горела краска.
Вынес всех, на травку положил,
Спросит внучка, – «Дед, а будет сказка,
Как тот робот дальше у них жил».

«Ну конечно будет, дом отстроят,
Мама брата девочке родит.
Роботов в квартире станет трое,
Старый здесь он с малышом сидит».

Ну а в чём урок у этой сказки?
Не судите строго и спеша,
Дело все в той обгоревшей краске,
Может там и пряталась душа?!

6. Ордена цена

Посидите что ли рядом, выпьем крепкого вина,
Мне сегодня очень надо, помощь други мне нужна.
Не в деньгах, конечно дело, просто грустно одному
Мне хандра сковала тело, что с ней делать не пойму.

Помолчим, как раньше было, каждый думал о своём,
Мне ребята все постыло, волком вою этим днём.
Ничего не надо боле, просто видеть всех опять,
Не в моей конечно воле вас у вечности отнять.

Ну, хотя бы на мгновенье, сели рядом как тогда
Вот вручили в День рожденья орден – Красная Звезда.
Посидим, помянем наших, стол простите, будет прост
На закуску банка каши, за ушедших третий тост.

Вспомним все, как дружно жили, хлеб делили и беду
Верно Родине служили той, что нынче не найду.
Как нас духи окружили, вспомним тот последний бой
Меня сразу положили, старшина прикрыл собой...

Молча встал, вздохнул устало, орден положил в стакан,
Без руки в тельняшке старой, водки выпил капитан
Со стены на жёлтом фото улыбались пацаны,
И жива была вся рота, ещё не было войны.

7. Каждый сам для себя решает

Одиночество тёмных окон,
Стены чьих-то чужих домов,
Ты пока ещё только кокон
В брызгах серых невнятных слов.

Совесь жёсткая – харакири
Режет мягкую плоть души
Ту, что мечется по квартире
Ту, что бабочкой стать спешит.

Хорошо бы сейчас покаяться,
Скинуть камень долой с души,
Только чую, придётся маяться,
На земле продолжать грешить.

Отпустите, прошу не веруя,
Зло опять отвечает злом,
И стена та большая серая
И не взять её на излом.

Черноту солнца луч ломает,
Зимней ночи закончив бег,
Каждый сам для себя решает
Кокон? Бабочка? Человек!

8. Триптих и лабутены

Выставка художников в апреле,
Дорогой парфюм, просторный зал,
Триптих скромный бледной акварели:
Дождь, дорога, старенький вокзал.

Рельсы, убегающие в вечность,
Серый ливень, в небе облака,
Утренняя тихая беспечность
Кисти вдохновенного мазка.

Этот мир заброшенный и зыбкий
Станции затерянной в глуши,
Принимает поезда – ошибки,
Скорые – истерзанной души.

Зябкая придуманная данность
Будоражит, манит не пойму,
Кем-то нарисованная дальность
Так близка, и сердцу и уму.

Три окна пронзительного чуда —
Дождь, пути, заброшенный вокзал,
Кажется, что и я сам оттуда
В это мир, когда-то уезжал.

Прёт народ, мелькают лабутены
Экспонаты, телки и штаны,
Авангарда вычурные темы.
Акварель – рисунок тишины.

Не замечен в оживлённых спорах,
А они бывали так сильны,
Будет снят наверно очень скоро
Скромный триптих с крашеной стены.

Но оставят в сердце грусть и жалость
Трёх картин, бумажные листы,
Когда вдруг вниманье задержалось
Ощувив потоки теплоты.

Мастера небрежною рукою
Выписана каждая и все,
Три листа неброского покоя
На травой заросшей полосе.

9. Рассказ ветерана вооруженных сил

Когда я сидел в окопе
На границе у реки,
Он в Levis на толстой жопе,
Все облазил кабаки.

Я из банки жрал тушёнку
И солдатский чёрствый хлеб,
Он гусиную печёнку
И с омарами омлет.
От московской зимней стужи
Он на Кипре отдыхал.
Я в Афгане был контужен,
Под огонь своих, попал.

Дочь столичного министра
Вышла замуж за него,
Дача, сад, гараж на Истре.
У меня нет ничего.

Даже нет своей квартиры,
Я прописан у жены,
Две клетушки, душ с сортиром,
Дом построен до войны.

Он на кожаном диване
По ночам, когда не спал
Или лёжа в тёплой ванне,
Мандельштама вслух читал.

Я служил в то время в Туле
По ночам, не то, что спать,
Каждой смене в карауле
Должен был Устав читать.

Так болячек полный список
Себе к пенсии нажил,
Сколь раз был к смерти близок
Где я только не служил.
У того судьба сложилась,
Не в пример моим годам,
То Париж, скажи на милость,
То голландский Роттердам.

В МИД пристроили, в загранку,
Тесть министр попросил.

Он на мерсе, я на танке
Полигонов грязь месил.

Так прошли, промчались птицей,
Чередой тревог и дел
Годы службы, и в столице
я на пенсии осел.

Только что теперь, я вижу —
Харю ту, что за бабло,
Ту, что с детства ненавижу,
На Расею катит зло.

Гладок он, речист, ухожен,
В депутаты так и прёт,
И надеется, похоже,
Что с деньгами удерёт.

Пишет – «эта», вместо – наша,
То есть не его страна,
Знать земля чужая краше,
А родная не важна.
Хаит, труд отцов и дедов
Мол, теперь-то суть видна,
И военных дармоедов
Нам защита не нужна.

Сам конечно в «белом фраке»
Истин лживых наберёт,
И давай печатать враки
И разбрасывать помет.

Дескать, жил не так, трудился,
Ордена носил не те.
Плохо все, чем я гордился
По природной простате.

Вот урод, ну погоди же,
Всех вас вытащат на свет,
Кто пиндосам попу лижет,
В ком любви к России нет.

И конечно, в том уверен —
Мнений много может быть,
Но с таких, по крайней мере
Власти должно и спросить.

Коли мер, вполне серьёзно
Не принять, не потрясти,

То настанет время можно
И державу не спасти.
На скамейке в нашем парке
Ветеран умолк, без слов,
Мы с ним выпили по чарке
За Победу, отчий кров.

На таких, как он, Россия
Держится, растёт и впредь,
Неизведанной и сильной
Сможет все преодолеть.

10. Душа гуляла в сентябре

Душа моя в сентябрь хочет,
Где льют дожди, и я не прочь
Того, чтоб стали дни короче,
Само собой, длиннее ночь.

Жара спадёт, прохладней станет,
И солнце, землю приласкав,
Кого-то днём не раз обманет,
Поспешно скрывшись в облаках.

На низком небе цвета стали
Они бегут как корабли,
Над петербургскими мостами
Почти касаются земли.
Ряды деревьев жёлтым цветом
Украсят осени мазки.
Прошло расплывчатое лето,
Промчались бабьего деньки.

Ещё чуть-чуть и разлетится
Багряных листьев кутерьма,
Спеша на землю опуститься,
На парки, площади, дома.

Асфальт дорожек в парке скроют,
И мне шуршащие листки
Прочтут, пока их дождь не смочит,
Свои печальные стишки.

Люблю сентябрь мокрый, разный,
Когда тепло ещё стоит,
И в небе солнца шарик красный
Нагреет берега гранит.

Невы неспешное скольженье
и притяженье синих вод,
Адмиралтейства отраженье
И серой масти небосвод.

Ценю колон рostrальных строгость
В завесе льющих дождей,
Их линий простоту и стройность
И непохожесть на людей.
Прямые линии фасадов,
Домов знакомые ряды,

Люблю проспекты Ленинграда
И разведённые мосты.

Сейчас весна, начало лета,
Не расцвела ещё сирень,
В окно ворвался ливнем света
Погожий майский тёплый день.

А что душа, дождём осенним
Умыта и опоена,
Уже вернулась в день весенний,
Другим пресытившись сполна.

11. В чём причина

Бьёт в окна домов, охренившей сирены
И ночью и днём, нескончаемый вой,
Долбит по расшатанным нервам сквозь стены,
Ломая мозги, чей-то джип с мостовой.

Всё валится с рук, появилась усталость,
Быть может пора записаться к врачу?
Но даже такую нехитрую малость,
Сегодня я делать никак не хочу.
Любимая чашка упала, разбилась,
На улице дождь, он с утра льёт и льёт,
Ну что за напасть, мне скажите на милость
Припёрлась, и жить старику не даёт?

Жена разворчалась с утра не на шутку,
Что в доме нет хлеба, сходи, да сходи,
И слез бы с дивана, хотя б на минутку,
Уж новые джинсы не лезут, поди?!

Так в чём тут причина невзгод и волнений,
Судьбы полоса почернела с чего?
Быть может, виновен конфликт поколений?
Так не было сроду, признаться его.

Все просто, но сердце сжимает от боли
Вселенская, серая грусть и тоска,
Вчера вместе с внуком я был на футболе,
Опять проиграл ноль – один, ЦСКА.

12. Рассказ деда Василя

Только лёд сошёл на речке,
Таит снег, где вовсе нет
И старухи на крылечке
Ловят сидя, тёплый свет.
Во дворах щебечут птицы,
Скоро Пасха, светлый день,
В церковь Богу помолиться
Всяк пойдёт, кому не лень.

Рядом с Маниным сараем,
Где хранит она дрова,
Без работы загорает
Деревенская братва.

Кум, Егор, что сват у Маньки,
Дед Василь уже разлил,
Выпил ..., вытер губы майкой
Помолчал ..., заговорил.

Расскажу, такая штука,
Вам один большой секрет,
До того не мог, ни звука,
Под подпиской полста лет!

Дело, было, помню точно —
В шестьдесят шестом году,
Я солдатиком на срочной.
Счёт до дому дням веду.

А служили мы в охране
Подмосковного НИИ,
Все слышали об уране,
Его там изобрели.
Инженеры, самородки
Там ковали нашу мощь,
Три реактора на водке,
Вынь, да к празднику полож!

Ну и что там удивляться,
Торопились как всегда,
То фотон начнёт ломаться,
То тяжёлая вода.

В общем, в ночь на воскресенье
Что-то там произошло,

Толи от ума затменье,
Толи с водки развезло.

Кто из них в Эйнштейны метил?
Звали как, успел забыть,
Изобрёл чего на свете
Вообще не может быть.

...Тут оратор наш прервался,
Попросил ещё налить,
Выпил, крикнул, но собрался
И продолжил говорить.

Энто, грозное изделие,
Чтоб мне бабы не видать,
Стало в ночь на воскресенье
В воздух йонами кидать.
Стали вещи пропадать...
...Что ещё от дуры ждать?!
Как свояк на дне рожденья
Что нажрался стал стрелять,
По курам ядрёна мать.

Понаехало начальство
Всюду ор и страшный крик
Дескать, всюду разгильдяйство,
Может враг сюды проник?

И никак енту заразу,
Не могли остановить.
Вот что значит – без приказу
Испытанья проводить.

Ну а главное – катушка,
Он куда ей поведёт...
Будь то стол, кирпич и кружка,
Сей же миг и пропадёт.

В общем, тот изобретатель
Запустил и, сам не рад,
Свой мюонный излучатель,
Торсионный агрегат.

Уже много чего нету,
Продолжало исчезать,
А могло и всю планету,
Как коровою слизать.
Делать нечего... У Деда
Глаз один слезой заплыл.

Дан приказ, чтоб до обеда
Ентод стенд, отключён был!

Как сумели дело справиться,
Не сегодня разговор,
Всё смогли тогда поправить,
Тем учёным не в укор.

Был разбор, медаль мне дали —
«За спасенье на воде»,
Это чтоб враги не знали
Что было, когда и где.

Только вот скажу, сомненье
Гложет душу мне с тех пор,
Как бы то изобретенье
Хитрый враг, какой не спёр.

Да и Вас прошу, заметьте
Пропадают, нету сил,
Будто кто машины эти
Снова к сети подключил.

И уже пропало это,
а вчера исчезло то,
Может снова над планетой
Генерируется что?
Пропадают у народа,
То зарплата, то мечта,
Где скажите та порода,
Вера, честность доброта?

Дед умолк и глаз прищурил,
В думках был, искал слова.
Подошёл к сараю Шурина
Где кричит мои дрова?

Вчера вечером у бани
Положил охапку дров,
Что заимствовал у Мани
Ан исчезли, будь здоров!

Мужики переглянулись,
Кум для шурина налил.
Тут сомнения проснулись,
Дед то правду говорил!

Кто ж в своей деревне станет
Красть, чужие же дрова?

Разве день такой настанет?
В это верится едва.

Снег на солнце стал прозрачен,
Потекли ручьи воды,
Детвора по лужам скачет
Со дворов, туды сюды.
Скоро Пасха, день весенний
Чисто, на душе светло,
От того что есть спасенье
И оно уже пришло.

От того, что есть Россия,
Есть деревни, города
И под небом этим синим
Будет жить она всегда.

13. Печорский тракт

Ночь, темно, вокруг тайга,
По реке идут КАМАЗы,
Звёзд, рассыпанные стразы,
Зимней речки берега.

В небе чёрном лик луны
Разлился по темноте,
В той бездонной высоте,
Чьи пределы не видны.

Глухомань разбудит свет
Мощных фар больших машин,
Даль заснеженных вершин,
Мирно спящих тыщу лет.
Гул моторов разнесётся,
Обороты наберёт,
Тишину лесов порвёт,
Гулким эхом отзовется.

Зимником по льду реки,
Трасса тут зимой одна,
Летом, нету ни хрена,
Так что ездить, не с руки.

В группе, что из трёх машин,
Наш нагруженный КАМАЗ
Прёт всей мощью своих масс,
Оставляя слепки шин.

Светом фар ломаем мрак,
Разрезаем темноту,
Путь не близкий в Воркуту,
Снег и лёд, Печорский тракт.

Сосны, ели, слева, справа,
Километры прочь бегут,
Знает трассу, лыс и крут,
Крутит руль водитель Слава.

Радио орёт в кабине,
Жмёт КАМАЗ по целине,
Здесь планшеты не в цене
И вайфаев нет в помине.
Лепс гремит, слетел с катушки,
Чарт на радиоволне,

Кофе в термосе – вполне,
Уже выпили три кружки.

Скоро утро, переправа,
Там вода, обломки льда
И проскочишь не всегда,
Ну, давай, твой выход Слава.

20 тонн фабричной стали
По промоине, по дну,
Гонят впереди волну,
Крошки льда стекла достали.

Выручайте в мать боги,
Крепки русские слова,
Север или Колыма,
Эх, российские дороги.

Всё, прошли, а я не верил,
Дальше легче, там земля,
Ехать нам ещё два дня,
Или три, по крайней мере.

Будем печкой, что в кабине
Мы сушить штаны потом,
Растираться всем гуртом,
Старой водкой на рябине.
По бортам сосульки сбиты,
Но ещё не высох пол,
А уже накрыли стол,
И сто граммов не забыты.

То отдельный протокол.

День уже и снег искрится,
Вот и Сия, там привал,
Если ты всю ночь не спал,
Хорошо в кабине спится.

И опять летит дорога,
Прёт КАМАЗ, все двести сил,
Пока речкой колесил
Покарябанный немного.

По земле метёт и крутит,
Снег с утра пошёл опять,
График надо нагонять,
На стекле на фотке Путин.

Ночью будут звезды снова,
Нам приветливо мигать,
И в дороге помогать
Два коротких крепких слова.

Русь, от края и до края,
Бесконечные пути
По которым нам идти,
Свой, из прочих, выбирая.

Значит мой, по бездорожью,
Зимней снежной целиной,
Где дороги ни одной,
Асфальтированной ложью.

14. Меланхолия

Утром встану, опять чихая,
По прогнозу весь день дожди.
Буду поздно, на ужин не жди,
Как дела? Всё окей дорогая.

Дождь с утра и до ночи молотит
По балкону, железу, стеклу,
Заливает водою Москву,
По дворам и по улицам бродит.

Месяц май, а погода плохая
И не трудно наверно понять,
Почему мы стремимся опять
К теплоте, что согреет лаская.

Меланхолия времени года,
Посерели проспекты, дома,
Акварелей неярких, сама,
Набросала на город природа.
Щётки воду со стёкол стирают,
Прилипая бегут взад вперёд
И приёмник в дороге орёт,
Чья-то песни мозги раздирают.

В угасании дня московского,
В звуках улиц уставши, прусь
По Арбату разлита грусть,
Ре-минором Петра Чайковского.

В лабиринтах глухих закоулков
Мимо стен, в арках старых домов
Бьётся сердце над поиском слов
Я найду их в тиши переулков.

Бесконечна дождя какофония
Но я знаю, он скоро пройдёт
Солнце светом Москву зальёт
И уйдёт моя меланхолия.

15. Две копейки, телефон-автомат

Уже темно и надо возвращаться,
Трамваи реже начали ходить,
Тебе со мной не хочется прощаться,
Вот только маме надо позвонить.
Ведь не уснёт, волнуясь до рассвета,
А телефон, вон будка по пути.
Где две копейки, чтобы одной монетой
Их ещё надо в кошельке найти.

Вокруг дома в ночных огнях купались,
А в парке вишни розовым цвели.
Мы в телефонной будке целовались,
А две копейки так и не нашли.

Ушёл трамвай, и рельсов нить дрожала,
И стуки сердца каждого слышны,
Ты мои руки на груди держала
И две копейки стали не нужны.

Лицо девчонки юной недотроги,
Моё признание первое в любви,
Когда так длинны школьные уроки,
Когда так ярко светят фонари.

Остался вкус слегка солоноватый
Тех губ, тех слёз и нежности твоей,
Когда был юн, кончался класс девятый
И впереди вся жизнь, и столько в ней...

Событий, встреч, чьи не забуду даты,
Людей, что были мне всегда близки.
И двух копеек, выпавших когда-то,
На пол той будки из твоей руки.

16. Полёты

Железная птица пространство пронзает,
И быстрою тенью вдали исчезает,
Среди облаков её след пропадает,
И бешено вертится горизонт.
Натянуты нервы и не отпускают,
Не только на крыльях пилоты летают,
На нервах, машины стальные бросают,
Идут на врага, где всё небо их фронт.

Здесь наверху, все законы забыты,
Пилот и машина в единое слиты,
В воздушном бою совершая кульбиты,
Но давит нагрузка, всё больше растёт.
Пространство и время сжимаются узко,
Вдавила, расплющила мозг перегрузка,
Рука нажимает на клавишу пуска,
Мы цель атакуем, враг тоже не ждёт.

И небо огромное, синего цвета,
Расколется громом, и вспышкой света,
Уходит на цель боевая ракета,
За горизонтом уже пропадёт.
Ревут на форсаже надрывно турбины,
Как жизни и смерти их две половины,
И режут пространство стальные машины
На крыльях удачи вперёд и вперёд.
Ушли с разворотом, сменив эшелоны,
Две сушки, воздушного племени клоны,
Уже под крылом, сопки серые склоны,
И скоро посадка и дом где нас ждут.
Касание есть, болтануло немножко.
Родная, бетонная встретит рулётка,
к ангару знакомая катит дорожка,
где травы высокие, летом растут.

Бывает, что падает замертво птица
С большой высоты, чтобы в землю вонзиться.
Подбитыми крыльями не зацепиться,
А пара её будет в небе кружить.
Их трель в синей бездне навек оборвётся,
Твой друг из полёта уже не вернётся,
И сердце от горя и боли взорвётся,
Но надо летать, приземляться и жить.

Разборы полётов до вечера длятся,

И мы будем хмуриться и улыбаться,
Автобусом в наш городок возвращаться.
И жён и детей у дверей целовать.
И вновь уходить и опять возвращаться,
Утюжить пространства и в небе вращаться,
С машиной как с другом своим обращаться,
А самое главное будем летать.

17. Я в храм войду

Я в Храм войду, меня встречают лики,
И строго смотрят с писаных икон,
Где от свечей по стенам жмутся блики,
И исчезают в трещинах окон.

Здесь благодать и спокойствие разлиты,
По стенам, что стоят уже века,
Лики святых, чьи имена забыты,
С икон глядят на нас издалика.

Молюсь, замрёт всё в хрупком моём теле,
У тех старинных молча постою,
Чьи души светом к небесам взлетели
И где-то там покоятся в раю.

Ну а мою, как лист сентябрьский падший,
То кружит ветром, то к земле прибьёт,
А то вернётся она в день вчерашний,
То побежит отчаянно вперёд.

Успокоенье долго не продлится,
Ворвётся жизнь, есть у неё права,
Но я опять приду в тот Храм молиться,
Где свет икон касается едва.

18. Я ещё вернусь

Не надо грусти, я ещё вернусь.
Я белым снегом первым обернусь,
Берёзкой, что серёжками полна,
Глотком сухого терпкого вина,
Высоким клином улетевших птиц
Мелькну в сети среди чужих страниц,
В строках моих написанных стихов,
В улыбках бедных наших стариков.
Признаюсь вам, уйти я не боюсь,
Седым туманом утром растворюсь.
Так все уходят, слаб ты или крут,
И годы память всех имён сотрут.
Великих мир запомнит на века,
Чья мудрость – полноводная река.
А чей-то лик художник на портрет
Запечатлел, кого давно уж нет.
Я растворюсь в небесной синеве,
Взойду цветком на выжженной траве
И криком чайки над морской волной
Ворвусь в твой сон холодной весной.
Не верь тому, кто скажет обо мне,
Что он устал, что боль топил в вине.
Я жизнь всегда боготворил, как мог,
Но наступает, видимо, мой срок.
И тот большой неведомый игрок
Назначит мне очередной урок.
Когда уйду, пронзая облака,
Пускай мне вслед махнёт твоя рука.
В других мирах, другим и я очнусь,
Не надо грусти, ждите, я вернусь!

19. Камни на высоте

А туман ползёт по сопкам,
По болотцам, по траве.
Рота заняла высоту
В 41, в октябре.

Командир сержант устало
Вытрет пот, смахнёт слезу,
Роты, в общем-то, не стало,
Почти вся лежит внизу.

Лейтенант был сразу ранен.
Без сознания, в бреду,
В тыл бы ротного отправить,
Только некем, на беду.

А сержанту скоро двадцать
И девчонки ещё нет,
Не успел нацеловаться
Повстречать в стогу рассвет.
Здесь на Севере полярном
Пятый месяц, как война,
Закипает, рвётся ярость,
Кровью залита страна.

Есть такое слово – надо.
Надо, значит – хоть умри,
Даже если пули градом,
На потери не смотри.

Надо! Всё, на этом точка!
Сопка позарез нужна,
Нам с неё любая кочка
Днём за три версты видна.

За ночь немец отоспится
Штурмовать поди, начнёт.
Нелегко будет отбиться,
Коль подмога не придёт.

А сержант?! Приказ получен,
Значит надо выполнять!
Не такой уж редкий случай,
Не ему Устав менять.

У комбата – капитана

Лишь один на всё ответ:
Повторяет беспрестанно —
«В тыл, назад дороги нет»!
Нет бойцов для пополнения,
Хлеба, спирта – тоже нет,
Вот, раздал на угощенье
Блок трофейных сигарет.

В роте семеро осталось,
Трое раненых лежат,
Простоять, хотя бы малость,
Фрицев НАДО задержать!

В камне вырытой землянке,
Печь трофейная, дрова,
Свет лучины в старой банке
Освещает всё едва.

Здесь тепло, не как снаружи,
Где уже два дня метёт.
Эх, картохи бы на ужин,
Так под ложечкой сосёт.

Сигаретку ту достанет,
Он, прикурит от огня
Сразу легче вроде, станет,
Первый отдых за три дня.

Выпьет чаю из болтушки
И поправит ремешок,
металлическую кружку
снова спрячет в вещмешок.
Ночь, которую не спавши,
Прикорнёт часа на три
И во сне увидит: пашню
Дом родной, восход зари.

Только ночь к утру растает,
Мина, сука прилетит!
Всё по своему расставит
Кто-то жив, а кто – убит.

И в село с названием Горки,
На другом краю земли,
Через месяц похоронки,
Сразу три за раз пришли.

В те дома ворвётся стужа,

Слёзы русских матерей.
Что ещё бывает хуже,
горше смерти сыновей.

Как же так, сержант Егорка
Ты себя не уберёг?!
Не вернётся больше в Горки,
Мамин младшенький сынок.

За ночь вымокнет подушка
и к утру не встанет мать.
За окном зима старушка
Будет снега наметать...

Батальон понёс потери,
Бойня страшная была.
На высоте рядом с теми
рота немцев полегла.

Наши тоже все, что в роте
До последнего бойца
Те, что были на учёте
все, сражались до конца.

В тундре памятник сложили,
На войне, как на войне,
Семь камней за тех, что были
Мёрзлой, преданы земле.

Лейтенант, который ротный,
Выжил. Месяц – медсанбат,
Новый полк, комбат пехотный,
Пал в боях за Сталинград.

Капитан, комбат с Урала
Той же ночью был убит
Скольких их война забрала
Скольких подвиг позабыт.

В наши дни, на той высоте,
На багажниках машин
Разольём по полной стопке
Мы за тех, кто не дожил.
За безвестных всех героев,
Их костями земля полна,
Где копни, там и отроешь
– Русской вольности цена.

Заполярье, край суровый,
Зона вечной мерзлоты.
Мне не спиться, вспомнил снова
Тех, не сдавших высоты.

20. Тень одиночества

Тень одиночества следом волочится,
Ведая всё, усмехается мне.
Каждую ночь мне убить её хочется,
Но источается тень на стене.

Только не веруя, комнату мерю я,
Девять шагов – и назад не спеша.
Вот и опять на стене она серая
Прячется тихо, мне в спину дыша.

Так мы и маемся, не уживаемся
В долгие ночи втроём напролёт.
За моей тенью, немного растерянной,
Тень одиночества снова идёт.
Лампочка тусклая, комната узкая,
По монитору порхает курсор.
Пиксели битые – в Окна открытые,
На Интернета широкий простор.

Здесь после полночи – крики о помощи,
Страх одиночества в сети весом.
Теми же сайтами делимся байтами
По социальным сетям колесом.

Запертых стенами, окон с антеннами
Круглых тарелок повсюду полно.
Вроде бы близкие люди и искренни,
Только от Вас отделились давно.

Тени качаются, дни обращаются,
Если нет рядом Вам близкой души.
Что-то ломается, связь обрывается,
Вот одиночество к нам и спешит.

21. У Вечера в плену

Размеренным шагом, навстречу,
В толпе между мраморных стен
Встречает в метро меня вечер
И сразу берёт к себе в плен.
Спешу по крутым переходам,
врываюсь в последний вагон,
в толкучке, на выходах, входах
меня дожидается он.

Встречает неяркостью красок,
Прохладой для летнего дня,
Зимой – снегопадом из сказок,
Что кружит в конце декабря.

Огнями в московских квартирах,
Движеньем машин и людей,
В билбордах рекламных картинок,
В квадратах больших площадей.

Я в нём до конца растворяюсь,
Спешу в даль тенистых аллей,
Где клёны ветвями касаясь,
Мне шепчут о жизни своей.

Люблю это время, свой город,
Неброскость окраин и Центр,
Арбат, что не стар и не молод,
Но полон своих мизансцен.

Шатаюсь в его переулках,
Проходами – арки домов,
Где звуки шагов моих гулких
Нарушат сон тёмных дворов.
Троллейбусом путь продолжая,
Замру, прислонившись к стеклу.
Куда и зачем уезжаю?
И сам ни черта не пойму.

И только доверчивый вечер
Махнёт на прощанье рукой.
Спасибо тебе и до встречи,
А я уйду на покой.

Ты с ночью теперь остаёшься,
На город легла её тень.

Ко мне скоро снова вернёшься,
Лишь только закончится день.

Ну что, брат, спасибо за помощь,
За то, что ты был терпелив.
И вот уже тихая полночь
Примчалась на крыльях своих.

22. Рябина в ладошке (подражание народной песне)

Раннею зорькою, снежною горкой
Гроздь рябины накроет зима.
Ягоды красные, стылые, горькие,
Стоит распробовать – сводят с ума.
Там на окраине, зорькою раннею
Ветку, что сломана, ветер качнёт.
Парню знакомому, ягоду пьяную
Девушка Лада в снегу соберёт.

После зазнобушку, белу лебёдушку
Парень увидит, сердечко замрёт.
Утром воскресным по снегу молодушку
Батюшка в церковь дорожкой ведёт.

Как ей открыться, ночами не спится,
Может, смеётся и ей всё равно?
Всюду на солнышке снег серебрится,
Выгляни Лада хотя бы в окно.

Зоренька ясная свадьбу отпразднует,
Сброшена беличья тальма на пол,
Зимний платок, её платице красное,
Вышитый крестиком белым, подол.

Поутру встанут след ярою зорькою,
Что осветит лики в Красном углу.
Стопки наполнят рябиновкой горькою,
Рядом обнявшись, присядут к столу.

Мама с утра принесёт дочке валенки
Дети попросят их благословить.
Выпьют по маленькой в домике стареньком
Что с ними сделать, придётся простить.
Пусть татя сердится, все перемелется,
Главное любят друг дружку они.
Будет метелица зимняя стелиться
Долгие годы, счастливые дни.

Время летит, всё с годами изменится,
Лет с той поры уж немало, пройдёт
Красную ягоду дочка их девица
Снова в ладошку зимой соберёт.

23. Не говори пока-пока

Не говори пока – «пока»,
Пока дорога далека
И снег кружит под облака.
Лежит в моей, твоя рука.

Не уходи теперь, пока
Мной не закончена строка
Где слов мелодия легка
Подобна струнам у смычка.

Не уходи, прошу – пока,
Луна подобием желтка
В ночи на небе высока.
И в полынье шумит река.
Но трель входящего звонка,
Порвёт ту нить, что так тонка
И в белом мареве снежка
Растает тихое – «пока».

24. Синь васильковая

Утром за солнышком, летними травами
Прямо по полю бежать по росе,
Там где речушка блестит меж дубравами,
Ивы растут на песчаной косе.

Ветер качнёт их, играя ветвями,
Листья закрутит, меняя им цвет
И улетит, не прощаясь с друзьями,
Только верхушки махнут ему вслед.

Вот и полянка в лесу неприметная,
Птицы щебечут, проснувшись с утра.
Мысли приходят простые и светлые,
Кажется, мир состоит из добра.

Лёжа в траве, земляники не меряно,
Спелые ягоды просятся в рот.
А над землёй всё быстрее и уверенней
Жаркое солнце по небу плывёт.
Воздух пропитан цветов ароматами,
Чистый, медовый, как будто – на вкус.
Синь васильков, что разбросаны пятнами
Чем-то похожа, на синюю Русь.

25. Против течения

Мы за толстое вымя время,
Не раздумывая хватали,
Выживание наше бремя,
Где другие не выживали.

И не книг, фолиантов чтением
Мы природу вещей познали,
А всю жизнь супротив течения,
На изломах существовали.

Мы за масками анонимусов
Гая Фокса, лицо не прятали,
Набирали по полной минусов,
Разгребая дерьмо лопатами.

Не в столице, на Гелендвагене,
По сибирским морозным трактам
На Востоке в портовом Ванино,
На Охотском, в собачьих вахтах.
Не шашлык с барбекю по дачам,
А кунджу по шуге с метелями.
Потому что мы жить иначе,
Не могли, да и не хотели бы.

Мы из тех, кто не любит плавной
Жизни, что уже всё расставила,
И везёт по дороге главной.
Мы всегда нарушали правила.

Прём по встречной, коль будет надо,
Чтобы ветер в лицо, не в спины,
Ничего, что по морде градом,
Шрамы красят лицо мужчины.

Кто-то скажет пусть, ненормальные
никуда мол, они не денутся,
это здесь, сейчас – неформальные,
ну а завтра, так все изменится.

Только знайте, что хрен так будет!
Разорвём мы одежды узкие,
Мы из тех, кто свободу любит,
Потому как мы люди русские!

26. Внучкин день рождения

У бабушки высокое давление,
С утра у бабушки высокое давление
И нет подарка, что на День рождения
Любимой внучке можно подарить.
А внучка просит, потеряв терпенье
Ну как же так, ведь были сбереженья?!
Забыв о том, что забрала с похмелья
И пенсию, успела всё пропить.

Накурено в квартире, дым струится,
От анаши, вонючий дым струится
И внучка курит и всё больше злиться,
Она хотела в гости пригласить
Мужчину, что хотел на ней жениться,
А бабий век, он так недолго длится,
Но денег нет, на что опохмелиться
И нечем стол для мужика накрыть.

А бабушка, любила свою внучку,
Всегда любила и жалела внучку.
В детсад водила Дашеньку за ручку.
На выпускной, вручила ей iPhone.
Всё для неё избалованной штучки
Что за все годы с мизерной полочки
Копила, сотни собирая в кучки,
Чтобы купить для внучки телефон.
А бабушка, который день не евши,
Совсем-совсем, ну ничего не евши.
За этот год – на десять постаревши.
Попьёт водички, ляжет на кровать,
Услышит голос внучки озверевшей,
Уже давно на наркоте подсевшей,
В полиции отметится успевшей,
Что мол, в квартире надо бы убрать.

Она давно смирилась с этой болью,
Тупой, не проходящей дикой болью.
Не убежать, не вырваться на волю
Да и куда ей старой убежать?!
Хоть умереть бы тихо и достойно
И нет подарка и последний столик
На днях забрала внучка на застолье,
Тем, жениха пытаясь удержать.

Пойдёт, займёт, как будто на уколы,

Соседка даст, но поглядит с укором,
Она про внучку знает всё со школы,
Но бабушке конечно одолжит.
И та, чтоб только прекратились споры,
Не слышать злые внучкины укоры
И о деньгах пустые разговоры,
Подарит тысячу, чтобы всего купить.

В разгар веселья кончится спиртное,
В квартире шум, закончилось спиртное!
Разбудит бабушку опять дитя родное.
Мужчина зол, уже хотел уйти,
Не стало бабушке ни дня от них покою.
«А что вон там, ну на шкафу такое?»
Достал он сверху пьяною рукою
Коробку красную и стал её трясти.

Покрыта та приличным слоем пыли,
Давнишней старой тёмно-серой пыли.
Ножом на кухне, торопясь, открыли,
В надежде деньги бабкины найти.
Они тогда бы герыча купили
И раскумарились, и деньги те пропили.
Дней пять, как минимум кутили.
«Ну что там, отодвинься, пропусти».

В большой коробке две военных фотки,
Две пожелтевших очень старых фотки,
Бабуля с дедом, тот стоит в пилотке,
Гармошкой смяты, модно хромачи.
Под ними орден, на медаль колодки
Промокших писем – уголком ошмётки,
Молитвенник в сиреневой обёртке
И запасные от дверей ключи.

Жених ушёл, с ним ордена не стало,
Большого ордена военного не стало.
Бабуля больше с того дня не встала,
А внучка к ней через три дня пришла:
Обняла и, по-бабьи причитала,
То целовала, то стихи читала,
Зачем-то библию растерянно листала
И обе плакали, не поминая зла.

А через день, когда всё так случилось,
Уже был день, когда всё так случилось,
Бабули сердце биться разучилось,
Пришла беда, или быть может милость.
Та в мир иной навеки отошла.

А внучка в церкви истово молилась
И что-то сердце сжало, заискрилось,
Как будто внучку бабушка спасла.

На кухне свет горит, который вечер,
Не гаснет до утра, который вечер,
И сотрясает от рыданий плечи.
Два фото рядом бабушка и дед.
Ну почему мы жизни так калечим
Своих родных, добром сердец не лечим,
А безразличием и холодом увечим
Не защищаем их от разных бед.

А времени всё дальше колесница,
Летящая всей жизни колесница
Уносит прочь, туда, где лет граница,
Ломая судьбы, сталкивая нас.
Не дай-то Бог такой беде случиться,
Когда замкнутся в горе близких лица,
На них печали тень тогда ложится
И ты их видишь, будто первый раз.

27. БЫТЬ или не быть?

Конечно, быть! Конечно, нужно быть!
И каждый день чему-то удивляться,
И женщину любимую любить,
И по утрам с ней рядом просыпаться.

Конечно, быть! Растить детей и внуков,
Переживать, когда они больны,
Писать стихи и чередою звуков
Читать их вслух в гостях у тишины.

Конечно, быть! Идти ветрам навстречу,
Любить весну и жёлтый цвет лесов,
Когда сентябрь в золото расцвечен
И листопада вертит колесо.

Конечно, быть! Всем горестям на свете
Войне, обману, смерти вопреки,
И знать всегда, что ты за всё в ответе:
За мир, семью, за домик у реки.

Конечно, быть! Другам и нашим песням,
Которые ничем не заменить,
И городам и сёлам, дальним весям.
Конечно, быть! Я знаю твёрдо быть!

Я славлю жизнь! Пою тебе Россия,
Великая, могучая страна
И чувствую, как прибавляет силы
Мне вера в то, что выстоит она.

28. Ночь на святки

С темнотой играет в прятки
Свет от лампы на столе.
Ночью в стылом январе,
Рождество сменяют Святки.

Снег пуржит и в окна темень
Заползла уже давно.
Не допитое вино,
Ёлки высохшая зелень.

Лёгкий дым от сигарет,
Тихой музыки звучанье,
И метели причитанье.
Через час уже рассвет.

29. Завтра будет лето

Вчера узнал, что завтра будет лето,
Не календарь мне эту весть принёс,
Она ворвалась в окна, ливнем света,
Ковром из трав, и запахом берёз.
Шёпотом ветра, веточкой ольховой,
Первой листвой, укрывшей серый лес,
Водой ручьёв, слезинкой пустяковой,
Бездонной высью голубых небес.
Весна из дома, выйдет спозаранок
Тем же порогом, грязь и холодок,
Давно прошли «аресты» лыж и санок,
«ватрушку» – тюбинг взяли под замок.
Будь здраво солнце, Красное Ярило!
Я славлю жизнь, и дней коловорот,
Чтоб ты по небу хоровод водило
В восьми лучах, как научил Сварог.

30. Мне снился день

Мне снился день, под звон колоколов,
Под шум дождя, и шорохи ветров.
Исчезли страхи ночи и покой
Пришёл во сне, накрыл своей рукой,
Какой-то не привычный, не такой,
Не будничной, но странною тоской
Наполнил душу, сладостной мечтой
По горним далям, выси золотой.
Умыл мне тело струями воды,
Закрыв собой от кравшейся беды.
И также тихо, за ночной покров
Ушёл, в какой-то из иных миров.

31. Белое облако, серые тучи

Вечером тихим и ранним по-зимнему
В небе плывёт среди серых других
Облако белое прямо по синему,
Странный своим одиночеством штрих.

Ты мне открой необычную тайну,
Где встретишь утро в сиреновой мгле,
Может быть, ветер умчит на окраину,
Там, где Россия встаёт на заре.

Свет потемнел, надвигаются сумерки,
Скоро растает и белого след,
Где его носит, скажите мне, умники
Кто-то, наверное, знает ответ.

Невыносимая грусть одиночества
В серости будней и прожитых лет,
Белое облако, солнца пророчество,
Плыло по небу туда, где рассвет.

32. О напрасных мечтах и земной красоте

Отворите мне дверь в чудеса,
В незнакомые дали дороги,
Где прекрасных сирен голоса
И душа не болит от тревоги.

Приоткройте совсем на чуть-чуть
Золотые хрустальные двери,
Укажите мне праведный путь
По годам, по ошибкам, по вере.

Отворите мне дверь в чудеса,
Где нет старости, войн и страданий,
Где нетронуты реки, леса
В мир исполненных светлых желаний.

Взвесив всё на волшебных весах,
Оторву от души наносное,
Чтобы птицей парить в небесах,
Позабыв притяжение земное.

Не прошу не дворцов, ни машин,
Ни богатства, высокого звания,
Грежу царством волшебных вершин
Постижением вселенского знания.
Но напрасно кричу в пустоту,
Мне душа, помечтав, отвечает —
«Создавай на земле красоту,
Чудо в каждом из нас пребывает».

33. Теперь всё делится на завтра и вчера

Всё, маски сброшены, окончена игра,
Нет смысла притворяться и лукавить.
Теперь всё делится на завтра и вчера,
Фигуры на доске не переставить.

Как эта ночь мучительно длинна,
И я хожу, не находя покоя.
О господи! Да что ж это такое,
И в чём скажи теперь моя вина?

Как трудно пережить, перетерпеть,
И кто сказал, что только время лечит?
Но память вновь играет в чёт и нечет,
Воспоминаний обнажая плоть.

Тот первый шаг, последний этот шаг
Не изменить, ушло всё безвозвратно,
И нам обоим стало вдруг понятно,
Что между нами всё было не так.
Клубится дым дешёвых сигарет,
Десять шагов от стенки до балкона.
Который час горит на кухне свет
И не горит дисплей у телефона.

Опять глаза споткнуться, увидав
На полке фото наше – А4,
И всё опять перевернётся в мире,
И сердце болью щемит как удав.

Так просто всё, часы давно стоят.
В квартире холод, пустота вселилась.
Никто не ждал, но так уж получилось
И за тобой и мной мосты горят.

Мой верный пёс, почуяв здесь беда,
Лежит в углу, и грусть в глазах такая,
И он бежит искать не понимая,
Хозяйки нет и это навсегда.

Уже рассвет вонзил лучи в дома,
Отгородил вчера, и всё понятно
И мне теперь забыть тебя пора,
Но почему так хочется обратно.

34. В чём секрет Дамаска

Звенела сталь, дамаск ковал кузнец,
Струился пот, в печи огонь метался
И подмастерье в устали шатался,
Узнать, желая тайну, наконец.

На наковальне, в чередё ночей
Металл, сжимался, корчился от боли,
Он то – сверкал, как тысяча свечей
То остывал, теряя свет в неволе.

Согнулась сталь десятки сотен раз,
Удары молота, послушно принимая.
Мальцу, казалось, что вот-вот, сейчас
Сверкнёт дамаска лента голубая.

Но суровел и хмурился кузнец,
Брусок металла, к свету поднимая.
Недели шли, три года, наконец,
Прошли с тех пор, и стала сталь другая.

Как будто ветер на клинке застыл,
Узор зимы холодной отразился
И сталь метелью снежною накрыл.
Клинок ожил и на свету искрился.
А тот малец – подрост, окреп в плечах,
Играючи с железом расправлялся,
Уже учился биться на мечах,
Но в чём секрет дамаска не дознался.

Прошли года, он старого спросил:
«Так тайна в чём? Наверное, в металле.
Понять пытался я что было сил,
Но Вы намёка даже мне не дали»!

«Откуда на поверхности клинка,
Что режет солнца луч на половинки?
Застывшие клубятся облака
И серебрятся голубые льдинки?»

Молчал и снова хмурился кузнец
Да разве дело в тайне! Рассерчал,
Надеялся, что сам поймёт юнец
«Пошли работать» – резко отвечал.

А вечером, когда взошла Луна

И жёлтый свет её к Земле струился
Ответил что руда и сталь важна!
Но всех важнее то, что он молился!

Дамаск лишь тем становится послушен —
Сказал кузнец, запоминай сынок,
Кто в каждый слой вложил живую душу
Тогда дамасском станет твой клинок.

35. Это мы

Кто, забыв какой ценою он спокойно в мире жил,
Болт на прошлое державы с прибамбасом положил?
Кто был властью недоволен от Москвы до Костромы?
Нет не Пушкин, и не Путин, недовольны были —
МЫ!

Кто избранных народных в Думу нашу избирал,
А потом по подворотням их же сам и обсирал!
Кто считал что демократы – это светлые умы?
Кто на ваучер Чубайса соблазнился, это —
МЫ!

У банкиров, даже в кризис дивиденды всё растут,
Но от власти, что я слышу: «Денег нет, держитесь тут».
Кто, укравши миллиарды, скрылся в Штатах от тюрьмы?
Кто же в этом виноваты, по большому счёту —
МЫ!

Кто мечтал о Шарман Шейхе, шубе норковой жене,
С Голубковым Лёней вместе – до сих пор живут в дерьме.
Но зато латифундисты будто вылезли из тьмы,
Кто же всё это затеял? Скажем честно это —
МЫ!

Мы народ, и пусть он разный, от министров до братвы,
но мы вместе отвечаем, здесь за всё пока живы.
Не искать виновных где-то, начинать всегда с себя.
Это мой любимый город, здесь родился, вырос я.
В школу ходят мои дети, на погосте мой отец.
Только МЫ порядок сможем навести здесь, наконец!

36. Детство, рыбалка

Мне пять, живём на даче, и мы в июльский зной
Идём с отцом рыбачить, сегодня выходной.
Он подготовил снасти, я накопал червей,
И было это счастье, других всего первой.

Светило солнце ярко на голубом холсте,
А мне совсем не жарко, в той летней духоте.
В реке вода журчала, искрилась вся в огне,
Плотвичка для начала, в тот раз попалась мне.

Я счастлив от удачи, глядел на поплавок,
Как много в жизни значит один такой денёк.
Неслись над головою куда-то облака,
И бег их отражала зеркальная река.
Мне усидеть не просто, но есть уже мечта —
Вот скоро стану взрослым и выловлю кита.
Потом с отцом купались, я по-собачьи плыл
И долго обтирались, я помню, не забыл.

Песок в сандалях набился, пока обратно шли,
Из родника напился, ромашки там росли.
Нарвал букет для мамы из полевых цветов
Несу три рыбки малых, нехитрый наш улов.

Готов обед, садимся, я думал что сперва,
Ухой мы насладимся, спросил: «А где плотва»?
Бабуля рассмеялась, сквозь смех произнесла:
«Я давеча копалась, так Мурка унесла»!

Садилось солнце где-то, за горизонт ушло,
В разгаре было лето, и вечером тепло.
Свет выключили вскоре, в углу ночник горит,
Мне снился запах моря и мой огромный кит!

37. Соринка

В тумане лет вновь исчезают лица
Любимых, близких и былых друзей,
Прошедших дней стираются границы,
И пробегают мимо вереницей
И память, как расстрелянный трофей.
Дыханье тех, с кем был когда-то вместе,
Стук их сердец давно не слышен мне,
Тех, не забывших верности и чести,
Презревших страх, потоки лжи и лести.
Где вы теперь? И на какой войне.

Нарушен строй, сдано в архивы Знамя.
Мундир пылится в платяном шкафу,
И только память пребывает с нами,
Горит в сердцах, не угасает пламень
И жжёт опять в стихах мою строфу.

Ушедших лет, перебираю лица,
Ищу на фото их в который раз.
Горит свеча, и мне в ночи не спится
И по щеке слезинка вниз катится —
Опять соринка мне попала в глаз.

38. Семидесятые, шатаюсь по Москве

Сбежал из дома под синь небес.
Хамил прохожим и в драку лез.
Луна глядела в мои зрачки,
Темнели воды Москвы-реки.
С тобою Camel и пуст карман,
Но через пару часов ты пьян.
Вот зажигалка, взял прикурить,
«Потом верну». «Ну, так и быть».

Горели звёзды в тёмной ночи,
Уснули дети и москвичи.
Иду по Горького, где нет машин,
Прямо по центру бреду один.

На Маяковке девчонки визг,
Мы полчаса с ней танцуем твист.
Горячих губ коснусь слегка
«Вот телефон, звони, пока».

Под утро шляться, мне надоест,
А на Добрынку – сто вёрст окрест.
Первый троллейбус меня везёт,
Кондуктор пустит, билет возьмёт.

В китайских кедах, где два мяча
Вернусь в субботу, я день встречать,
Умытых улиц Москвы моей
Из тех далёких, весёлых дней.

39. Усталый путник

На глади речной – отраженье Луны,
Яркие звездочки в небе видны.
Путник усталый прилёт у костра,
Путь свой нелёгкий продолжит с утра.
Лунной дорожкой опустится ночь,
Выпь прокричит и отправится прочь.
Путник, согревшись, молитву прочтёт
И у костра в сладкий сон отойдёт.
Ветвями ивы склонились к воде,
Тьма воцарится надолго, везде.

40. Дождь проливной шарахался в ночи (моему другу десантнику Виктору Гущину посвящаю)

Мерцало пламя восковой свечи,
Свет колыбался, отражаясь в стёклах.
А за окном земля давно промокла
Дождь проливной шарахался в ночи.

Уставший день ушёл за горизонт
А новый день лишь только начинался,
Дрожащий свет таинственным казался
И в этом был какой-то свой, резон.

Её рука его руки касалась,
Минуты то бежали, то текли,
И капли били, по стеклу секли,
Дождь нескончаем, или так казалось.

Накрытый стол, теперь почти пустой,
Его стакан с вином стоял, не тронут.
И глаз её блестящих чёрный омут
В огне светился каплей золотой.

Молчали оба, да и что сказать —
Он объяснял сто раз, что он там нужен.
Совсем ребёнок, голос вон простужен,
Наутро сына проводила мать.

Смертельно ранен, он в пыли лежал.
Девчушка санитарка суетилась
И по-мужски нещадно материлась,
А шприц в руках не слушался, дрожал.

Кричал комбат, швыряя гарнитуру,
Связист сто-пятки, медленно осел.
Повсюду дым и гари смрад висел
Там убивали нашу десантуру.

Из черных глаз – от мамы, по наследству,
Жизнь уходила, медленно ползла.
Палило солнце, и колонна шла
на помощь той, горевшей по соседству.
А там, в пыли кровь быстро запеклась,
Его по просьбе к камню прислонили.
Уже вертушки по горам долбили
И вся земля от этого тряслась.

Он всё пытался что-то ей сказать,
Какой-то дождь сквозь шёпот прорывался,
Но бой гремел и, как он не старался
Едва его смогла она понять.

«Скажите маме после, погода...»
Ему хватило сил договорить
«Я не ушёл, я буду приходить
Стучаться в окна струями дождя».

Мерцает пламя восковой свечи
Седая мать заглядывает в окна
Земля дождями летними намокла
Она всё ждёт, что он придёт в ночи.

А та девчонка у неё была,
Всё рассказала про него подробно.
И много по-мужски потом пила,
А дождь стучал по крыше мелкой дробью.

41. Подвода

Синее небо восхода, проблески красной зари.
В белом тумане подвода, пар лошадиной ноздри.
Медленно катится обод, прячась в дорожной грязи,
Чем-то встревоженный овод, кружит и кружит вблизи.

Скрипнет телега на кочке, в яму по ось попадёт.
Капля росы на листочке тонкого стебля замрёт.
В воздухе утреннем нега, запахи трав и цветов,
Солнце, карабкаясь в небо, зайчики шлёт из кустов.

Громко чирикают птицы, тем провожая рассвет,
Скоро туман разрядится, тихо сползая в кювет.
Старой разбитой дорогой лошадь неспешно бредёт
Жость, да репейник убогий вдоль по грунтовке растёт.

Благодарение богу! С горки, что возле села,
В гору, осилив дорогу, шибче лошадка пошла.
Солнце играя, искрится, выше и выше встаёт,
Шмель на былинку садится, дальний свершив перелёт.
Сонный, усталый возница носом замёрзшим клюёт,
Пыль за подводой клубится, облачком жёлтым встаёт.
Ох уж мне эти дороги, в детскую память пути,
Кто-то заметит – убоги, лучше по мне не найти.

42. Мне приснился страшный сон

Вот он я, стою, качаюсь,
На душе сплошной раздрай,
Я как будто просыпаюсь,
А вокруг волшебный рай.

Орхидеи и мимозы,
Вишня, дикий виноград,
Здесь не ведают про слёзы
И не сыпет с неба град.

Не бывает снежной вьюги,
Нет морозов и пурги,
Но позвольте, где подруги,
Где, в конце концов, враги?

Внешний так сказать, противник,
Силы внутренних врагов?
Ну, хотя б один насильник,
Чтобы дать промеж рогов.

Где борьба за урожаи,
Пятилетки, стройки, БАМ,
Я конкретно возражаю —
Рай такой не нужен нам!

Где кружки по изученью
Книг вождей и их речей,
В общем, тут одно мученье,
Рай не классовый, ничей.

Бабы все невинность корчат
Водки нет, и не дают,
Организм конечно хочет,
Они что, совсем не пьют?!

В райском том большом хозяйстве
Ни кроссвордов, ни газет,
Где бичуют разгильдяйство,
Разгильдяев тоже нет!

Ничего, я не расстроен,
Будет скоро новый рай,
Всё, по-своему настроим,
Встретим, только помирай!

Подобрал я активистов,
Быстро создали кружки:
Либералов, коммунистов,
Проститутки – маяки!
Охватил весь рай движеньем:
Гласность – выборам в раю!
Предложил для выдвиженья
Душу, стало быть, свою.

За крамольные те речи,
Через три воскресных дня.
Двое ангелов под вечер,
С рая выперли меня.

Я побрёл другой дорогой
Сумрак, холодно вокруг,
И ландшафт увы, убогий,
Нет друзей и нет подруг.

И опять стою, качаюсь,
Не сказать, что б очень рад,
Но с надеждой не прощаюсь,
Дальше прём дорогой в ад.

Приняв, бесы проводили,
Крики, жар, тяжёлый смрад,
Мы и это проходили,
Я хоть старый, но солдат.

Три дня жарили, вертели,
Не давали воду пить,
В кипятке сварить хотели,
Но решили утопить.
Руки, ноги мне ломали,
Заставляли кушать змей,
Чертенята баловали,
С малой функцией моей.

Ко всему уже привычный,
Пригляделся я и тут.
Всё ж объект то единичный,
Показной же институт!

Нет и здесь разнообразья,
Не налажен бесов быт,
Указал на безобразья,
Всё ж за ад душа болит.

Подсмотрел, на удивленье
Всё запущено давно:
Нет в чертях бывшего рвенья!
В чанах старое говно.

Где прогресс, подход научный
Технологии, размах?
Весь процесс был мной изучен
Дело всё было в дровах.

Я им лекции читаю,
Недостатки указал,
Всё прикинув, предлагаю —
Сокращаем персонал.
Если нефть подешевела,
Надо всё предусмотреть,
Топки быстро переделать
С дров, угля, на газ и нефть.

На нагрев грешного тела
Слишком много тратят дров,
Чтоб рентабельность взлетела
Начинать нужно с основ.

Мы закажем ОКРы, НИРы,
Озадачим Институт.
Оборудуем сортиры,
Реки к чанам побегут!

Пригласим специалистов,
Есть резерв, причём большой,
Всё в Аду наладим быстро
Где тут бабушка с косой.

В общем, я договорился,
Чтоб конца времён не ждать,
С главным встретился, добился
полномочия мне дать.

Но устроить это дело
С экономией в дровах,
Не пришлось, всё полетело,
Развалилось в пух и прах.
Сократили на три члена
Старых бесов – пердунов,
Им прислали на замену
Мужичка из Сандунов.

Персонал в ответ на меры

По снижению затрат,
Пригрозил потерей веры
И вообще покинуть Ад.

Новых топок закупили,
К чанам трубы подвели,
Что-то как всегда забыли,
Эти к тем не подошли.

Погодя промёрзли сети
И настал большой аврал.
Черти плакали как дети
Главный бегал и орал.

Грешницы познали грешниц.
Кто-то чаны все украл!
Восстанавливали месяц,
Кто меня только не драл.

Из-за этого конфузу,
Как виновника затей,
Исключён был из Союза
Грешных померших людей.
Меня выгнали. И снова
Непонятно где брожу,
Жизнь ...была не так хренова,
Здесь-то хуже погляжу.

Так и Вы, что есть цените,
Стройте рай свой на земле,
Ну а ежели что пишете —
Неприкаянному мне.

Солнце встало на рассвете,
На плите еда скворчит
Слышу, балуются дети
И жена – За стол! Кричит.

Вот он я, встаю, проснулся,
На душе прошёл раздрай,
Не туда я окунулся,
Это здесь волшебный рай.

Может правда, было это,
Может сказка, может ложь,
Только что возьмёшь с поэта?
Ни черта ведь не возьмёшь.

43. Листья на воде

То плыли листья по воде,
Их ветер разбросал везде.
Касаясь самого причала,
Волна их гнала и качала
И жёлтых пятен хоровод,
Опять мелькал в движенье вод.

Не долгов был их странный век
И скоро дождь, да первый снег
Укрыли напрочь, их следы
На сером зеркале воды.
Но как-то раз в другие дни,
Кому-то вспомнятся они.

И этот жёлтый хоровод
Вновь оживёт в потоке вод.

44. Белым-бело

Ну вот, мы наконец-то и, дождались:
С утра пошёл, посыпал белый снег,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.